

ПИСЬМА Б. Н. ЛЯТОШИНСКОГО к В. К. СТЕШЕНКО-КУФТИНОЙ¹

№ 1²

29 декабря 1925

ПОВЕСТКА

Настоящим предлагается вам, гражданка Валентина Стешенко, прибыть 31 сего декабря (сего года) в помещение Союза фальшивомонетчиков (Театральная, № 3, кв. 9) к 11 часам вечера для открывания новопредставляющегося сего 1925 года и крещения новорождающегося того 1926 года.

Для доставки Вас в целости и сохранности в вышеуказанное помещение Союза к Вам будет командирован старший инспектор отдела изготовления государственных бумаг Академик Бэлза³-душегубов.

Председатель Союза,
Борис Лятошинский.

№ 2

21. 05. 1926

*(Ленинград. Манежный проспект, 17
Гражданке Курдюмовой⁴ для В. К. Стешенко)*

Здравствуйтесь, Валентина Константиновна! Когда я прочел в газете анонс о концерте с указанием авторов, то я так и думал, что концерт будет в общем неинтересный. Так это и было по Вашему мнению. Я думаю, что всё-таки было

¹ Из личного архива профессора В. М. Воробьева.

² Нумерация составлена в хронологическом порядке.

³ Игорь Федорович Бэлза (08 II. 1904–05. I. 1994) – музыковед, композитор, литературовед, историк культуры. Доктор искусствоведения (1954). В 1925 г. окончил Киевскую консерваторию по классу Б. Н. Лятошинского (композиция). В 1925–1941 гг. преподавал в ней композицию, инструментовку, полифонию, историю музыки (с 1936 – профессор).

⁴ Варвара Григорьевна Курдюмова – сестра жены профессора КИСИ Николая Ивановича Семейкина (муж сестры В. К. Стешенко-Куфтиной – Веры Константиновны Семейкиной).

что-нибудь интересное из Петрограда, что до Москвы, то её представители были очень слабые. Интересно мне очень, что говорил о сонате Ваш Феликс Михайлович¹. Тут был без Вас и Нейгауз², и Глиэр. Глиэр приезжал с певицей. Был вечер его романсов: певица прекрасная, так что концерт оставил большое впечатление.

После концерта мы кутили в ресторане до 3,5 ночи. Ой, кутеж, конечно, состоял только в том, главным образом, что я сидел и смотрел на других.

Жаль, что Вас не было на этом концерте. Точно так же жаль, что Глиэр не был в Москве 14. Мне очень хотелось, чтобы он услышал сонату в Вашем исполнении. Я убежден, что если бы Вы даже играли сонату в Коллегии, то все равно из этого вряд ли что-нибудь вышло. Вообще у меня сейчас в некотором роде пора неудач.

Был, правда, недавно концерт в Харькове, который, как мне писали, прошел с большим успехом, но вся беда в том, что хотя в том концерте и игрались мои вещи, но по существу это был не я, так что, по правде сказать, я не имею даже права принимать этот успех на свой счёт.

Возмутительно, что вы играли первой, Глиэр удивлялся тому, что при составлении программы был применен такой странный принцип, как распределение по городам!

Итак, пока «кончаю» («страшно перечесть» и т. д.). Если увидите Боровского, то передайте ему, но не поклон, а зуботычину (если сумеете, конечно).

Всего лучшего! До скорого свидания. М. А.³ шлёт привет. Веселитесь побольше, прежде чем возвратитесь в скорбное болото.

¹ Ф. М. Блюменфельд.

² Смотри страницу 47 данного издания.

³ Маргарита Александровна Царевич-Лятошинская (1898–17. II. 1982) – жена Б. Н. Лятошинского. Окончила вокальный факультет Киевской консерватории в 1921 году.

№ 3

Письмо 20-х годов

Здравствуйте, Валентина Константиновна!

Раньше всего я очень обижен на Вас, что Вы ни слова не написали мне. Обо всех ваших московских делах и предприятиях узнаем или от Иг. Ф.¹ или от Вашей сестры². Много писать сейчас Вам было не о чем. Снова идёт однообразная и скучная канитель, а [у] Вас там есть новости. Ну пусть будет так.

Теперь – желаю Вам самого большого успеха в Вашем концерте! Я очень рад, что Вам всё-таки удалось это! Итак, всего!

Почему Вы не написали программы концерта – это первое значит.

Теперь второе. У меня есть к Вам просьба. Если Вам не трудно будет, то очень прошу Вас зайти в Госиздат, отыскать там секретаря редакционной коллегии Агнию Алексеевну Алевдину и передать ей прилагаемое письмо. (Хорошо было бы сперва вложить его в конверт, если у Вас найдется лишний). Она сообщит Вам о результатах рассмотрения в Коллегии вещей Фролова³, Дорошука⁴ и что не принято из них, те сочинения я прошу её передать Вам. А Вас прошу привезти их нам сюда.

Очень прошу Вас сделать это, но, конечно, если это окажется трудным, если, например, Вы не застанете её, то второй раз уж не ходите. Бог с ним.

Я писал Мясковскому, но ответа не получил. Возможно, что письмо пропало.

¹ Игорь Федорович Бэлза.

² Вера Константиновна Семейкина.

³ Фролов Маркиян Петрович (06. XII. 1892–30. X. 1944) – композитор, пианист, педагог. Музыкальное образование получил в Киевской (1918–1921, класс композиции Р. М. Глиэра) и Петроградской консерваториях (1921–1924, класс фортепиано И. С. Миклашевской). С 1924 г. – преподаватель музыкально-драматического института имени Н. В. Лысенко, Киевской консерватории.

⁴ Вероятно, речь идёт об Игоре Федоровиче Бэлзе-Дорошуке.

Итак, я кончаю. Пока всего Вам самого наилучшего. Ещё раз желаю успехов!

Борис Лятошинский

Если какие-нибудь из всех сочинений не приняты, то, пожалуйста, в Киеве никому об этом не говорите и не показывайте.

№ 4

5 ноября 1928 год

Многоуважаемая, Валентина Константиновна! Я остаюсь верен самому себе и конечно собрался написать письмо только тогда, когда у меня есть к Вам просьба. Мне очень обидно, что моя Вторая соната лежит, так сказать, без всякого движения, вот я и решил Вас спросить не согласились ли бы Вы как-нибудь исполнить её в издательстве. Там сейчас уже нет больше никаких моих сочинений после напечатания скрипичной сонаты.

Я не прошу Вас, разумеется, сейчас это сделать, а представляю себе это так: я пришлю Вам ноты, и уже от Вас целиком будет зависеть, когда Вы сыграете её в редколлегии. Мне кажется, что поскольку Вы её в свое время играли, Вам нетрудно будет вспомнить её, кроме того, играть ведь можно по нотам. Во всяком случае, если для Вас почему-либо затруднительно, то Вы, понятно, в таком случае откажетесь и, конечно, я на Вас ни в какой претензии не буду.

Мой Второй квартет много раз уже исполнялся за последние месяцы квартетом имени Вильома¹. Они пишут, что

¹ В 1920 г. в Харькове был создан коллектив (руководитель В. М. Гольдфельд), названный «Всеукраинский государственный смычковый квартет имени Жана Батиста Вильома». Жан Батист Вильом (1798–1875) – известный французский мастер смычковых инструментов – прославился как непревзойденный копиист. Он изготовлял копии скрипок таких известных мастеров Италии XVI–XVII веков, как Амати, Гварнери, Страдивари.

Украинские музыканты 1920 г. играли на инструментах Вильома, потому назвали свой коллектив его именем. Просуществовал этот кол-

езде играют его с успехом. Скоро они собираются быть в Москве и тогда сыграют его в Издательстве.

Я сейчас проснулся наконец от долгого сна и энергичным образом принялся за сочинение. На днях я кончаю Третий струнный квартет. Это собственно Квартет – Сюита из пяти частей.

1. Интрада
2. Нотюрно
3. Скерцо
4. Интермеццо
5. Финал

Мне кажется, что он будет значительно лучше Второго квартета. Приятно знать, что как только я его кончу, он сейчас же пойдет в работу, так как квартет Вильома его уже ждёт.

Этим летом я два раза дирижировал в Купеческом Второй частью симфонии и Увертюрой на Украинские темы.

Как у Вас прошло лето? Долго ли Вы были в Вашей Дальне-Восточной экспедиции? Что Вы сейчас играете и не затеваете ли чего-нибудь вроде концерта?

Очень был бы рад получить от Вас письмо хотя бы даже с отказом мне в моей просьбе, хотя всё-таки я надеюсь.

Передайте привет, пожалуйста, от меня Вашему супругу¹. Маргарита Александровна шлет Вам привет.

Ваш, Борис Лятошинский.
Театральная 3/9

лектив недолго – до 1927 г. Возродился лишь через 10 лет в 1937 г. в Киеве. И хотя новые исполнители – Симкин Михаил Григорьевич (первая скрипка), Старосельский Александр Иосифович (вторая скрипка), Вакс Исаак Григорьевич (альт), Калужский Михаил Абрамович (виолончель) – играли уже на других инструментах, но в память о своих предшественниках-харьковчанах киевские музыканты оставили имя Жана Батиста Вильома. Артисты квартета имени Вильома в 1947 году Указом Президиума Верховного Совета УССР были удостоены почетных званий Заслуженных артистов Украины (Е. С.).

¹ Борис Алексеевич Куфтин (1892–1953).

№ 5

17. 12. 1929

Многоуважаемая Валентина Константиновна! Я сразу не ответил Вам на Ваше письмо, так как был в Харькове. Раньше всего по поводу Лапшинского¹. В прошлом году он учился у Ревуцкого², в этом году у меня. Сочинения его, которые находятся у Вас, написаны в прошлом году. Я считаю его очень способным, но с ещё совершенно невыработанной музыкальной физиономией, ранних опусов Скрябина и других... Осенью этого года он пришел ко мне вместе со своей матерью и стал просить меня, чтобы я помог ему устроить его сочинения в Музсектор и чтобы обратился к Вам с просьбой сыграть их там. В разговоре выяснилось, что они знакомы с вашими родными и уже на эту тему с ними разговаривали. (Я лично с ним не виделся). Она сказала со слов Ваших родителей, что вы, разумеется, согласитесь помочь им и т. д. Вот и всё. Тогда я на основании этого сказал ему, что, следовательно, он может послать Вам эти ноты, раз дело так обстоит. Я же лично конечно не мог ручаться за Вас и «соглашения» с вашими родными у меня не было. Что же касается вопроса по существу, то конечно, очень хорошо было бы помочь Лапшинскому, насколько вы можете это сделать. Он малый способный и к тому же семья его крайне нуждается. Мне кажется, что если бы Вы смогли сыграть эти вещи в Музсекторе, то это было бы, разумеется, гораздо лучше, чем просто отнести их туда. Повторяю, что пока музыкальная физиономия его ещё не выработана. Встречаются неприятные мне сентиментальные обороты и так далее. Но, принимая во внимание многие обстоятельства, по-моему помочь

¹ Лапшинский Глеб Николаевич (родился 12 июня 1910, Киев?) – композитор, пианист. Окончил Киевскую консерваторию по классу композиции Б. Лятошинского, по классу фортепиано К. Михайлова (1931). Был членом СКУ. С 1943 года – в Германии.

² Биографическая справка автора в данном издании (с. 458).

ему следовало бы. Но ведь Вы сейчас очень заняты. Тогда, быть может, это можно было сделать позже?

Мы очень рады за Вас, что Вы заняты такой интересной работой и как чувствуется из Вашего письма более-менее довольны своей жизнью (насколько это возможно).

Мои музыкальные дела обстоят следующим образом: опера моя пойдет в феврале (вначале) в Харькове, в марте в Одессе и в Киеве. Я только что вернулся из Харькова, где мою оперу уже репетируют. Пока все довольны и все хвалят, только жалуются, что трудно. Дирижирует в Харькове Маргулян¹, который тоже очень заинтересован работой. Скоро появится три брошюры, посвящённые моей опере. Вообще подготовительная работа идёт прекрасно. К лету напишу что-нибудь симфоническое. Что касается до фортепиано, то начал было я писать токкату, но бросил. В Москву, к сожалению, пока не собираюсь. Когда Вы будете в Киеве? Мы были бы очень рады увидеть Вас и Бориса Алексеевича. Искренний привет Вам и Борису Алексеевичу от меня и Маргариты Александровны.

Ваш Борис Лятошинский

№ 6

15 марта 1930 г.

Многоуважаемая Валентина Константиновна! Мы искренне порадовались Вашим концертным успехам. Да оно иначе и быть не могло, так как все предпосылки для этого успеха у вас были. Если бы успеха не было, то это означало бы только то, что почему-то вам просто не повезло. Ну, на самом деле напротив всё хорошо и остаётся только пожелать вам, чтобы дальше все шло *poco a poco piu crescendo et accelerando largo maestoso*. Что касается таинственных происшествий с Вашей фамилией, то, безусловно, тут есть какой-то мистический смысл, только боюсь, что простому смертному не дано понять его. Будущее покажет.

¹ Маргулян Арнольд Эвадиевич (13. IV. 1879–15. VII. 1950) – дирижер, народный артист УССР и РСФСР. С 1927 по 1937 гг. возглавлял Харьковский театр оперы и балета.

Благодарю Вас за желание отворить благородные уши ваших слушателей звуками моей Второй сонаты. Между прочим, она печатается уже в Киеве и месяца через полтора-два появится. По части фортепианных произведений пока у меня ничего нет. Вообще я сейчас ничего не пишу и даже не чувствую к этому никакой охоты. Причин много, но писать о них неудобно. Хорошенько подумав, может, сами догадаетесь. Значит, пока последней моей вещью является опера. Вопрос относительно её постановок в следующем положении: в Киеве она пойдет якобы на старте следующего сезона, в Харькове уже шла бы сейчас, но здание театра заняли под суд «СОУ» и значит спектаклей нет. Сколько продлится суд неизвестно. Быть может, так дойдёт, что и там опера не пойдёт в этом сезоне! Только в Одессе постановка должна состояться в конце марта. Хочу идти завтра <слово *нрзб*> с точным указанием числа.

Дела в общем как видите довольно печальны. Неизвестно чего ради я так осенью спешил и для чего меня так гнали в шею. Если сейчас, как говорят, опера получилась хорошей, то она была бы безусловно ещё лучше, если бы я не торопился. По поводу харьковского конкурса дела у Вас по-видимому не выйдут, так как он будет уже через неделю, то есть 23–25 марта. Не знаю насколько это будет серьезное дело <*нрзб*>.

Тотен танец я уже получил. Спасибо! Вы спрашиваете на счет концерта М. А., такого в полном смысле собственно концерта ещё не было. Будет по-видимому в начале апреля. Сейчас её часто приглашают играть на разных концертах <слово *нрзб*>. Теперь у меня есть к Вам большая просьба, за исполнение которой буду очень благодарен. Впрочем это просьба к Борису Алексеевичу. Вы получаете из-за границы ноты. Вероятно, их выписывает Борис Алексеевич через ЦЕКУБУ¹. Сейчас с этого года киевская секция научных работников выписывает всё из-за границы не непосредственно, а

¹ ЦЕКУБУ – Центральная комиссия по улучшению быта ученых (Е. С.).

через Москву. Я выписал себе этим способом три музыкальных журнала. Один из них я уже получил, а двух всё ещё нет, хотя деньги пересланы в Москву уже давно. Вот я и прошу, если Борис Алексеевич будет вскоре в ЦЕКУБУ, пусть спросит о последующих. Это книжный отдел ЦЕКУБУ, Пречистенка 16. Я буду очень и очень благодарен, только я не хочу затруднять. Пусть Борис Алексеевич не идет специально ради этого, а при случае, когда будет в ЦЕКУБУ.

Итак, пока, желаю Вам всего лучшего. От М. А. привет Вам и Борису Алексеевичу.

Ваш Борис Лятошинский.

№ 7

24. 09. 1930

Многоуважаемые Валентина Константиновна и Борис Алексеевич!

Вы, конечно, удивлены и даже слегка обижены на нас, что мы не только не приехали к Вам, но даже и письма не написали. Виноват во всём я, со своей несчастной оперой, которая меня верно скоро со свету сживет. Последнее [время] Вашего пребывания мне почти ни дня [не] приходилось сидеть в Киеве, в Ворзель я приезжал не чаще раза в неделю. Мне очень досадно, что нам не удалось увидеться с Вами ещё раз, и ещё более неприятно, что Вы, наверное, удивлялись нашему обману.

Сейчас мы, конечно, уже в Киеве, постепенно начинается скучная длинная зима, от которой ждёшь много хорошего. Пока для начала в Институте не дали жалованья 15 сентября. Это только начало, разумеется, а дальше будет ещё.

В Киевском театре идут уже оркестровые репетиции моей оперы. Открытие сезона будет в начале октября. Сам не знаю почему (или вернее – знаю), но не получаю от этого никакого удовольствия. В Харькове тоже моей оперой будут открывать, но только там будет позже. А вот насчет Москвы пока ещё ничего определённого. Весь материал туда я уже

сдал, но пока ещё не имею оттуда сведений, когда предположена постановка.

С отвращением начинаю крутить институтскую шарманку. Ужасно надоело это всё, а конца не видно: уроки, лекции, и тому подобная ерунда. Настроение по этому поводу самое пессимистическое, положительно ничего не хочется делать.

Пока кончаю. Будем очень рады, если Вы напишете, что у Вас нового и хорошего.

Желаю всего самого лучшего от себя и Маргариты Александровны!

Ваш Б. Лятошинский.

№ 8

3 августа 1931 года

Многоуважаемая Валентина Константиновна!

Надеюсь, вы получили мою открытку, посланную неделю тому назад. Сейчас одновременно с этим посылаю Вам заказной бандеролью ноты. Узнав, что я буду посылать Вам их, И. Ф. Бэлза попросил меня послать кое-что и от него. Я кроме сонаты посылаю Вам ещё мелочи. Итого, вместе: 1. Шуберт-Лист. 2. Казелла. 3. Бэлза Фортепианный концерт. 4. Бэлза Анданте из Органного концерта. 5. Моя Вторая соната. 6. Мои «Отражения». Всего 6 тетрадей.

Путешествие было интересным, но очень утомительным. Относительно музыкального материала, за которым я собственно и ездил, не могу сказать, что он слишком интересен. Так что нет у меня даже охоты начинать этот балет, а ведь придется всё-таки.

Опера моя шла в истекшую зиму в Киеве, Харькове, Одессе и в передвижной опере в провинции. Особого успеха не было, так как страшно старались ругать партитуру всякие музыкальные критики. Да и постановкой я ни одной не доволен. Прежде всего, все декорации слишком уж условны. Ничего понять нельзя. Однако в будущем сезоне она есть в репертуаре всех этих театров. Между прочим в Киеве последними спектаклями я сам дирижировал. (!) По поводу Шубер-

та-Листа мне приходится очень перед Вами извиниться: совершенно непонятным образом оказался оторван угол из обложки. Кто и когда мог это сделать не представляю себе.

Я очень Вам благодарен за намерение включить меня в Вашу программу. Вообще очень был бы рад услышать снова эту сонату, как Вы её играете. Замечательно Вы их играли подряд Первую и Вторую на концерте в консерватории! Вы, я думаю, тоже помните этот вечер.

Что у нас делается?: Я уже писал Вам, что недавно только вернулся из Средней Азии (Таджикистан). Мне Одесский театр заказал балет на соответствующую тему и командировал меня туда... <слово *нрзб*> и представьте себе, что об этом спектакле пошли по городу слухи, как о самом лучшем спектакле моей оперы. Затем перед отъездом в Азию я дирижировал тут в радио-театре своими сочинениями. Мог я быть дирижером – да не буду. Объективные причины.

Сейчас у нас на музыкальном фронте идет страшная <слово *нрзб*>, что нужно и хорошо, а что не нужно и плохо. Самое последнее мое сочинение – это «Марш для большого духового оркестра», написанный к Первой всеукраинской музыке, весьма героический и бодрый. Вы наверное удивляетесь, что я взялся за духовой оркестр. Однако хорошо, что это моё сочинение будут играть больше, чем все другие. М. А. так, к сожалению, не поёт в театре, так совершенно не идёт тут концертный репертуар. Она поёт в оперном кружке при железнодорожном клубе. Пела уже 7 раз «Севильского цирюльника» (всю оперу) с успехом в разных киевских клубах. Ещё одно: моя опера в Москве до сих пор не шла, потому что <слово *нрзб*> для Москвы печатались тут в Киеве и печатание так затянулось, что только в мае был отдан весь материал в Москву. Надеюсь, что в будущем году всё-таки повезёт.

Всего самого лучшего. Если нужно будет ещё какие-нибудь ноты выслать – пишите бесцеремонно. И вообще мы будем очень рады, если будете писать.

Борис Лятошинский.

№ 9

11. 06. 1933

Многоуважаемая, Валентина Константиновна!

(Написано в Вологду, с. Кубенское, улица Ленина, 15¹)

Ваши письма получил и как видите «раскачался» и на ответное. С выпиской заграничной литературы дело сейчас действительно очень плохо. Что же касается нот, то их, насколько я знаю, вообще нельзя выписывать. Я заказал <текст нрзб>

№ 10

7.11.1952

Дорогая, Валентина Константиновна!

Спасибо Вам за письмо по почте и переданное через Всеволода Воробьева². Очень благодарим Вас и за хорошую карточку, глядя на которую мы теперь так живо видим Вас, всё-таки вы нас немного огорчили тем, что ничего на ней не написали нам на память. А всё-таки спасибо!

Ассистент Ваш заходил к нам и произвёл на нас очень хорошее впечатление, вполне совпадающее с данной Вами его характеристикой. Настоящий серьёзный музыкант. Недавно звонила нам Вера Константиновна и сказала, то у него всё еще не ладится дело с комнатой. Вот досадная история! Вот уже довольно долго он всё не может найти себе комнату. Это таки действительно нелёгкое дело в Киеве. Даже в Москве, говорят, легче найти комнату, чем здесь в Киеве.

Мы очень сочувствуем Вам, дорогая Валентина Константиновна, в вашем беспокойстве о Борисе Алексеевиче и мысленно с Вами, а я, кроме того, мысленно и с Б. А. в том смысле, что, как это мне сейчас представляется, я бы не отказался поехать вместе с ним на месяц, чтобы посмотреть на эти археологические раскопки. Вот это действительно замечательный момент, когда из глубины земли показывается то,

¹ Место ссылки Б. А. Куфтина и В. К. Стешенко-Куфтиной (Е. С.).

² Биографическая справка автора в данном издании (с. 420).

что пробыло в ней не одну тысячу лет! Мне кажется, что когда прикоснешься к такому зданию или предмету древнего обихода, то чувствуешь священный трепет, трепет смертного перед бессмертным или почти бессмертным. Сильный момент!

Следующий раз, когда Борис Алексеевич будет опять в экспедиции, надо будет попроситься к нему в рабочие, только с одним условием, чтобы он не заставлял меня по утрам выгонять из района археологических раскопок змей. На это я не согласен ни за что.

Прошу Вас всё-таки не переутомляйтесь за роялем, не забывайте о том, что Вы всё-таки ещё не совсем здоровы. Просим Вас!

Меня, как и Вас поражает, что Гуревич¹ устроил в Тбилисской консерватории. Многие непонятно в нашей музыкантской жизни.

У нас особых новостей нет. В середине октября мы возвратились в Киев из Ворзеля. Крутится консерваторская шарманка на полный ход. Я понемногу начал заканчивать первую часть Concerto per pianoforte, но никому пока об этом не говорю, а держу в секрете.

Шлём Вам самый сердечный привет и желаем здоровья и благополучия. Привет Б. А., когда будете писать ему. Пишите.

Ваш Б. Лятошинский.

№ 11

21. 12. 1952

Дорогая Валентина Константиновна!

Давно уже получил Ваше короткое письмо, но, как всегда, задержался с ответом. Простите.

¹ Гуревич Самуил Яковлевич (1913–?) – пианист, педагог. Доцент (1941). Лауреат Всеукраинского конкурса молодых музыкантов-исполнителей (1934, Харьков, I премия) и Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей (1935, III премия). Учился в Киевской консерватории (1930–1934) и в аспирантуре при ней (1934–1936) в классе К. Н. Михайлова. В 1936–1941 и 1944–1952 гг. преподавал на кафедре специального фортепиано Киевской консерватории (ДАМК. – Ф. 810. – Оп. 2. – Ед. хр. 40).

Я успел уже побывать и в Москве, куда ездил, правда, только на 5 дней. Знаю, что Борис Алексеевич уже возвратился из экспедиции. Переезд Ваш в Киев, как я и ожидал, несколько затянулся. Всё это, разумеется из-за квартиры. Когда же она уже будет?! Чего доброго весь этот учебный год здесь будет работать только В. Воробьев.

Очень досадно, что так долго это тянется. А впрочем, может ведь совершенно внезапно всё устроиться.

Спасибо за пожелания мне успеха в тональности три бемоля (до минор). Я уже пишу 3 часть. Первую и вторую я кончил. Показывал В. Воробьеву, которому как будто понравилось. Сейчас я занимаюсь третьей частью, а в первую и вторую вношу всякие мелкие усовершенствования. Очень буду рад, когда смогу и Вам показать этот «твир».

Итак, не сердитесь за задержку в ответе. Шлём сердечный привет Вам и Борису Алексеевичу.

Всего наилучшего и прежде всего здоровья и спокойной хорошей работы.

Ваш Б. Лятошинский.

№ 12

4. 8.—6. 8. 1952.

Дорогая Валентина Константиновна!

И радостно, и грустно было читать мне Ваше письмо, полученное уже недели три тому назад. Большое Вам спасибо и за присылку Ваших замечательных программ, одолеть которые может, конечно, только большой, настоящий музыкант, каким, говоря без малейшей лести, Вы и являетесь. Сколько в этих программах великолепных произведений-памятников нашей, в широком смысле, музыки. С истинным удовольствием прослушал я, как и Маргарита Александровна, конечно, все эти программы. Несмотря ни на какие мешающие обстоятельства, несмотря на болезни, Вы времени даром не теряли, а сделали очень-очень много, проникли глубоко в самую суть музыкального океана, в котором столько чудес.

Истинным безобразием является то, что все эти программы Вы исполняли в консерватории, в то время как, конечно, их место в филармониях. Таких безобразий у нас ещё хватает вполне.

По Вашим словам Вы пишете мне письмо несколько лет и потому не чувствуете разобщения. Могу и я сказать, да и мы к Вам питаем самые хорошие воспоминания о прежних встречах в былые были. Очень были бы мы рады, если бы Вы и Б. А. переехали в Киев и как кажется Вам бы следовало это сделать. Сейчас строится много новых домов, и не сомневаюсь, что Б. А. получил бы квартиру получше той, которую Вы занимаете в Тбилиси. Уверен, что оторвавшись от кавказской почвы, он нашел бы немало интересного и здесь на Украине. А Вы несомненно работали бы здесь в консерватории. В связи с этим – важное сообщение: дирекция консерватории, имея желание избавиться от изрядного числа педагогов, объявила в газете «Советское искусство» от 23 июля конкурс на замещение профессоров, доцентов и т. п. по всем специальностям. Срок подачи заявлений 25 августа. Не будь этого конкурса, Вы все равно, конечно, были бы приглашены в консерваторию на другой день после Вашего переезда в Киев. Но сейчас, поскольку объявлен конкурс, дирекция консерватории будет еще больше рада и заинтересована в том, чтобы Вас включить в число педагогов.

Послезавтра, то есть 6 августа, я буду в Киеве на экзамене приемном композиторов и теоретиков и продемонстрирую там, кому следует, Ваши концертные программы. Сделаю я это по собственной инициативе, ни к чему Вас не обязывающей и посмотрю какое впечатление эти программы произведут. Не сомневаюсь, что впечатление сильное. Напишу об этом Вам. Подумайте и пусть Борис Алексеевич подумает. Дается Вам на это неделя срока. Если решите переехать в Киев, – действуйте. Думаю, что если в прошлом году он был приглашаем в Киев, то и в этом году он здесь будет желанным гостем.

А ведь, судя по всему, климат Тбилиси не подходит для Вашего здоровья. Зачем же Вам там страдать?

Мы были бы очень и очень рады, ели бы Вы были здесь, так как мало что-то видим мы здесь настоящих людей. Должен Вам честно тут же сказать, что сейчас я в третий раз в моей жизни снова думаю о переезде в Москву и возможно, что на этот раз сделаю это, хотя такой уверенности нет и сейчас. Видно ничего из этого не выйдет, а если и выйдет, то не так скоро. В связи с этим о своих делах. Всего у меня было за эти годы, и дурного и хорошего, вполне достаточно. Плохого, пожалуй, было больше. Лучшее – это сталинская премия за музыку к фильму «Тарас Шевченко». Последнее из плохого – это совершенно несправедливое уничтожение моей Третьей симфонии, лучшего моего сочинения на настоящий день. Чего только не говорили и не писали об этой злополучной симфонии. Совершенно немыслимо об этом всё написать в коротком письме. Лишний раз я убедился в том, сколько на свете нечестных и подлых личностей, попросту сказать, негодяев. При встрече покажу Вам эти «статейки» и «подвалы». Симфония исполнялась только один раз на пленуме Союза композиторов 25 октября 1951 года и имела не то, что большой, а огромный потрясающий успех у присутствующих при этом исполнении. Перед этим её дней за 12 прослушивало «руководство» союза композиторов УССР и мне бы следовало, послушав их разговоры о формализме и т. п. снять симфонию с программы пленума, якобы для доработки. Но я по глупости этого не сделал. Напротив, видя какой успех она имела, я даже вообразил, что «побудил», но не тут то было. Начались помои и рутань. Сейчас она лежит у меня в шкафу, но я всё-таки не хочу, чтобы она оказалась моим последним сочинением, намерен что-то в ней (в основном в финале) без ущерба для основного характера её переработать, чтобы она ожила, так как слишком обидно, чтобы она не исполнялась.

Я написал за эти годы 10–12 хоров *a capella* на тексты Пушкина и Шевченко. Это – кажется единственные мои сочинения, которые все хвалят, которые очень хорошо воспри-

нимаются в концертах любой публикой. К 10-летию Воссо-единения Украины я написал большую оркестровую «Поэму Воссоединения». Сочинение весьма ясное, всё основанное на коротких украинских темах песен и танцев. Тем не менее, оно было встречено здесь сперва тоже в штывы. Затем, правда, когда его похвалили и даже напечатали в Москве, здесь «критики» и музыканты затихли.

В связи с прошлогодней катастрофой с симфонией я не поехал в концертную поездку, как дирижер авторских концертов. Был бы у Вас тоже. Сейчас возможно поеду, но только во второй половине сезона, не раньше января. В данное время я начинаю писать Концерт для фортепиано. Мне давно приходила в голову мысль написать его, но сейчас, как буду писать, это реализуется. Такое сочинение мне очень необходимо для концертной поездки. Маргарита Александровна просит меня передать Вам свою искреннюю благодарность за письмо Ваше и полностью присоединяется к моим пожеланиям Вам здоровья. Она тоже советует Вам оставить Тбилиси и переехать сюда. М. А. сейчас преподает пение в киевском музыкальном училище и в общем довольна своей работой.

Письмо это я писал Вам, сидя в нашем ворзельском саду, где по-прежнему очень хорошо и будет также хорошо и через 10–20–30 и т. д. лет, когда и нас всех не будет. Природа прекрасна, но жестока. Ни одно деревцо не засохнет у нас в саду, когда мы уйдем. (Неожиданная модуляция в *es-moll*). Сейчас утро 6-го, приехал в Киев, иду на экзамен и по дороге пошлю это письмо. Присылайте в консерваторию до 25 заявление и всякие документы или пришлите мне сюда, а я передам их сам. Целую Вас и шлём сердечный привет Вам и Борису Алексеевичу. Вскоре напишу снова.

У нас в Ворзеле сейчас гостит Игорь Федорович Бэлза [с] женой и сыном¹. Просил передать Вам искренний привет.

Ваш Б. Лятошинский.

(письмо в Тбилиси Алавердский переулок, 7 кв. 1)

№ 13

9. 09. 1952

Дорогая Валентина Константиновна!

Спасибо за Ваше письмо, обрадовавшее нас выраженным там Вашим решением перекочевать в Киев. Здесь в консерватории, как мне сообщил Евгений Михайлович Сливак², Вас ждут уже ученики, но это не значит, конечно, что они не подождут Вас полтора-два месяца. Очень будем рады увидеть Вас в конце сентября здесь, но только заметьте себе следующее, чтобы быстро нас поймать: мы весь сентябрь живем ещё не в Киеве, а в Ворзеле. Я езжу в Киев по вторникам и пятницам. М. А. ездит по средам и субботам. Я занимаюсь в консерватории вторник с 13:00 до 20:30, в пятницу с 15:00 до 20:30 в 5 классе. Значит за час до начала этих занятий меня безусловно можно поймать дома или же по телефону 5 95 29, а затем в консерватории. М. А. занимается в свои дни с 16:30. И она тоже за час до занятий в училище находится дома. Если Вы приедете в какой-либо другой день, то обязательно позвоните, чтобы наша работница записала, где Вы находитесь. Самым основным вопросом для Вас будет, конечно, получение хорошей во всех смыслах квартиры, но я уверен, что это все наладится быстро и хорошо, раз в этом будет заинтересован Комитет искусств и Академия наук. Летом я по сути ничего не сделал в отношении сочинительства, может быть теперь смогу

¹ Гулинская Зоя Константиновна и Святослав Игоревич Бэлза.

² Смотри страницу 285 данного издания.

заняться этим делом по-настоящему. Шлём Вам и Борису Алексеевичу сердечный привет. Всего лучшего! До встречи!

Ваш Б. Лятошинский.

№ 14

6. 02. 1953

Дорогая Валентина Константиновна!

Как нелепо затянулось дело с Вашим переездом в Киев! Меня это конечно не очень удивляет, так как я хорошо знаю, что если вопрос упирается в получение квартиры, то это всегда – длинная история. Между прочим, к новому году должны были получить тут новые квартиры три композитора, в том числе «сам» Л. Ревуцкий, и вот до сих пор еще не получили и они. Всегда это затягивается – таков закон этого.

Говорил я третьего дня по просьба Веры Константиновны с К. Н. Михайловым¹ (Климова не было в Киеве сейчас же он должен не сегодня завтра возвратиться к началу занятий). К. Н. сказал, что очень и очень, конечно, досадно, что так затянулся вопрос с Вашим переездом, что получилось крайне досадное положение, что вместо профессора всю зиму со студентами занимается только его ассистент, но что, ничего ни поделаешь, придется очевидно, когда приедет Климов, им оговорить и согласиться на Ваше предложение, так как нет ведь другого лучшего выхода из создавшегося положения.

Сегодня пятница, а в понедельник, самое позднее – во вторник я увижу если не Климова, то того же Михайлова, и снова поговорю с ним, узнаю, что они решили с Климовым в отношении Вашего приезда на март. И сейчас же сообщу Вам или проверю сообщили ли они Вам об этом сами телеграммой. Думаю, что никакого иного решения, кроме согласия, у них быть не может, так как ведь совершенно ясно для

¹ Биографическая справка автора в данном издании (с. 443).

них, что Вы задержались с переездом не по капризу, а потому что до сих пор ещё не получили квартиру. Пусть консерватория даст Вам квартиру и тогда настаивает на ускорении Вашего переезда в Киев.

Итак, я вторично побывал в Москве и имел там встречу с пианистом В. Мержановым¹, которому показал фортепианный концерт. Он произвёл на меня очень хорошее впечатление как пианист, и очень симпатичное как человек. Концерт он одобрил, а вторую часть даже перехвалил по-моему. При этом, однако, он выдвинул ряд предложений, касающихся фортепианной фактуры ряда мест первой и третьей частей. Почти во всех случаях я с ним согласился и сейчас сделал уже все эти фортепианные усовершенствования и отдал переписчику для внесения их в переписанный экземпляр.

В начале марта В. Мержанов будет с концертом в Киеве и я с ним увижусь, после чего очевидно, дам ему уже Концерт. Возможно, однако, что ещё до его приезда сюда я пошлю Концерт с оказией в Москву.

Вот как обстоят мои дела. Встречу с ним я считаю для себя очень полезной, но ещё больше я был бы конечно рад, если бы не он, а Вы просмотрели фортепианную фактуру моего концерта. Это было бы безусловно еще лучше. Буду очень рад, когда Вы приедете сюда в марте, Концерт Вам этот отдать. А пока М. А. и я шлём сердечный привет Вам и Борису Алексеевичу и желаем всего самого наилучшего!

Ваш Б. Лятошинский.

№ 15

11. 02. 1953

Дорогая, Валентина Константиновна!

¹ Виктор Карпович Мержанов (род. 15 августа 1919, Тамбов) – выдающийся российский пианист, педагог, профессор Московской консерватории, народный артист СССР (1990).

Несколько дней тому назад писал Вам уже явно заказное, а сейчас пишу снова. Во-первых, М. А. и я очень и очень благодарим Вас за замечательное вино и замечательные цветочки с кавказских гор! Действительно и то и другое, каждое в своем роде – высший сорт. Большое спасибо!

Благодарим очень и за интересные фотографии. Какой замечательный профиль у этого великого вегетарианца¹. Спасибо разумеется и за письмо. Вчера я говорил с Климовым и Михайловым, которые очень, конечно, сетуют на то, что так нелепо получилось. Я разъяснил им ещё раз, что во всем виновата Украинская академия. Вы тут уж совершенно ни в чем не виноваты. Они очень Вас просят приехать на март-апрель и посылают Вам соответствующую телеграмму. Это не значит, что Вам надо приехать 1 марта. Ничего не случится, если Вы приедете между 10–15 марта, а уедете вскоре после 15 апреля, то есть пробудете здесь чуть больше месяца. Проверите всех учеников. А экзамены они уже будут держать без Вас. Очень буду рад Вас видеть и передать Вам Concerto per pianoforte in tre parte. От меня и от М. А. сердечный привет Вам и Борису Алексеевичу.

Борис Лятошинский.

Матеріали (епістолярій та щоденникові записи) В. К. Стешенко-Куфтіної розшифрували, систематизували й підготували до друку В. М. Воробйов та О. Є. Степанюк

¹ Б. А. Куфтин (Е. С.).